

Алексей Колышевский

Фендер-Бендер

Алексей Колышевский
Фендер-Бендер

«ЭКСМО»

Кольшевский А. Ю.

Фендер-Бендер / А. Ю. Кольшевский — «Эксмо»,

«Он вздохнул и повернулся на левый, запретный бок. «Нельзя спать на левой стороне, плохо сердцу». Чья-то фраза из детства. Кажется, все-таки бабкина. Она умерла пять, нет, восемь лет назад (как летит время, но, видимо, все еще не так плохо, если можно себе позволить манкирование тремя годами). Ее разум потух, словно закатное солнце, и последние свои годы бабка прожила вдали от него, у какой-то родственницы. Не то свояченицы, не то золовки – впрочем, он никогда не разбирался в этих родственных титулах, не придавал значения степеням родства, потворствуя сетованию некоторых своих случайных собеседников насчет крепости традиций кавказских диаспор и полной родственной разобщенности тех, кто жил в этом городе не в составе какого-либо племени, а жил, просто потому что жил, оттого что так было заведено не вспомнить уже с какого срока...»

© Кольшевский А. Ю.

© Эксмо

Алексей Кольшевский Фендер-Бендер

Он вздохнул и повернулся на левый, запретный бок. «Нельзя спать на левой стороне, плохо сердцу». Чья-то фраза из детства. Кажется, все-таки бабкина. Она умерла пять, нет, восемь лет назад (как летит время, но, видимо, все еще не так плохо, если можно себе позволить манкирование тремя годами). Ее разум потух, словно закатное солнце, и последние свои годы бабка прожила вдали от него, у какой-то родственницы. Не то свояченицы, не то золовки – впрочем, он никогда не разбирался в этих родственных титулах, не придавал значения степеням родства, потворствуя сетованию некоторых своих случайных собеседников насчет крепости традиций кавказских диаспор и полной родственной разобщенности тех, кто жил в этом городе не в составе какого-либо племени, а жил, просто потому что жил, оттого что так было заведено не вспомнить уже с какого срока. Кажется, после войны, а значит, так давно, что его еще и на свете-то не было, его дед, бабкин муж, приехал на Казанский вокзал, одетый в огромное пальто с подбитыми ватой плечами, низ которого волочился за дедом по земле. В руках деда был картонный, обтянутый чем-то под кожу чемоданчик с крупными замками. С этого чемоданчика началась их порода здесь, на московской земле. В детстве он, кажется, видел этот самый чемодан-чемоданище; убранный в прихожей на шкаф, тот отсвечивал своими замками, отпугивая темноту, постоянно скапливающуюся в этом месте их двухкомнатной, в пятом этаже квартиры, окна которой выходили на две стороны: во двор и на детский сад, закрытый разросшимися тополями. В его комнате не было балкона, вместо него за окном был приделан ящик, который бабка называла «цветник». В цветнике росли какие-то оранжевые, с темными середками цветы, похожие на миниатюрные подсолнухи, и еще что-то, что ему теперь хотелось назвать жимолостью.

Когда чемодан жил с ними, то все было в порядке, но вот затеяли то ли ремонт, то ли какую-то уборку, и он исчез, а вместе с ним исчез и мир в их доме, исчезли пусть редкие, но оттого еще больше запомнившиеся застолья, когда стол накрывался человек на двадцать и все они со значением выпивали и культурно закусывали студнем, и произносили тосты, вспоминающиеся сейчас похожими на панегирики. Потом его отец, объяснившись с матерью, второпях собрался и ушел к какой-то даме, сделавшей его несчастным и тихим. Его мать после этого попала в пушистые руки попов и, казалось, носила глухой платок, даже когда его на ней не было. А следом за отцом ушел и он, и тоже к даме, с которой затем развелся и поселился здесь, рядом с Сокольниками, в двухкомнатной квартире без цветника. Окна выходили во двор и на аллею под названием «проезд»: узкую в ряд шоссе и тротуары, обсаженные разросшимися тополями.

В коллективе себя он как-то не нашел, как ни старался. Долго корил себя за это (он и вообще был склонен к раздражительному, какому-то прокурорскому самоанализу). Очередным сокращением или увольнением из конторы бывал несколько дней удручен, испытывая голодный страх по куску хлеба насущного, и необходимость выплачивать за жилье и небольшой серый автомобиль вновь толкала его на панель, где сотни тысяч человеческих существ меланхолично пережевывали ежечасную рутину, перемещаясь от письменных конторских столов в пеналы квартир с сушилкой для белья, стоящей в тесной кухне, и телевизором, вечерним собеседником тупиц.

Однажды, сидя за конторским столом своим и пребывая, возможно, в какой-то послеобеденной полудреме, он, и сам от себя не очень-то этого ожидая, открыл свой календарь – книжку, в которую полагалось записывать напоминания о деловых звонках и еще что-то, рутинной установленное за правило, и мгновенно набросал поэтическую строчку:

– Я ощущаю сладостный (здесь он написал непотребное словечко, тождественное по смыслу слову «конец», или даже, м-м-м... «полный конец», а вернее «конец окончательный»).

Некоторое время он, стяхнув с век остатки обеденной тяжести, разглядывал эту ни к чему не обязывающую на первый взгляд строчку, недоумевая, что это вдруг вышло из него и приняло столь необычную форму. В четырех ничтожных словах ему увиделось нечто глубокое, то, с чего обычно начинается какой-нибудь новый поворот, новое дело, словно он вдруг поднял голову и увидел солнце, но не так, как видел его обычно, не задумываясь или, наоборот, считая, что солнце лишь пустяк, а по-новому. И не сказать, чтобы проделал он это с радостным идиотизмом, расправив плечи и набрав полный пузырь воздуха, но все же глубоко задумался и не пошел в тот вечер домой сразу, а вместо этого сел в какой-то пивной и, заказав себе кофе, стал пить его, глаза по сторонам и наблюдая за теми, кто собрался в пивной ради фетиширования с грубой и толстой стеклянной кружкой. Это показалось ему вдруг очень забавным, и во второй раз он ощутил именно сладострастие, разглядывая людей каким-то новым для себя взглядом. Ему хотелось сказать что-то вон о том толстяке одних с ним примерно лет, с курчавыми жесткими волосами и в обтягивающей его плюшевомишкообразную фигуру рубашке. Ему казалось очень важным не пропустить ни малейшего штриха в облике брюнетки с неестественно большими ресницами и наклеенной на верхней губе мушкой. То, как она одета (в кофту с рукавами-фонариками), ее худые, какие-то плоские и обтекаемые, словно весельные лопасти, руки. И то, наконец, как держала она этими руками всякие предметы, беря со стола то нож, то салфетку. И были вокруг еще и еще люди, и то, что всегда казалось ему однородным и колышущимся, словно перед потерявшим очки бедолагой, миром, теперь превратилось в разноцветную карту стран, каждой из которых был его сосед или соседка в рамках собственных границ. Кто-то напоминал крошечную Бельгию, кто-то со снисходительной значительностью мог претендовать на Бразилию или Аргентину, кто-то был небольшой, но вполне самодостаточной Францией, кто-то узкой прибрежной полосой Чили – страны, состоящей из берега океана. Испугавшись, что все забудется, лишь только он выйдет за порог, он спросил авторучку и бумаги, и ему принесли, снисходительно осведомившись, не собирается ли он писать стихи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.